

ТАЙНА „ЛЬВИНОЙ ГРИВЫ“

Приключение Шерлока Холмса, рассказанное им самим

Рассказ А. КОНАН-ДОЙЛЯ

— В высшей степени странно, что именно тогда, когда я отошел от дел, мне представилась задача, не менее необычайная и таинственная, чем те, которые мне приходилось разрешать за свою долгую профессиональную деятельность. И притом все произошло, можно сказать, у самых моих дверей.

Я только что переселился в мой домик в Суссексе и предался укрепляющей жизни на лоне природы, о которой долгие годы мечтал среди туманов Лондона. В этот период моей жизни дорогой мой Ватсон почти совсем исчез с моего горизонта. Он только изредка приезжал ко мне провести воскресный день. Поэтому я должен сделать сам своим собственным хроникером. Ах, если бы он был со мной, что бы он сделал из такого удивительного происшествия и из моего случайного торжества над всеми затруднениями! Теперь же я должен сам, бесхитростными, простыми словами, рассказать эту историю и отметить каждый мой шаг на трудном пути, который лежал передо мной, когда я пытался разгадать тайну «Львиной гривы».

Моя вилла расположена на южных склонах дюн, с которых открывается широкий вид на море. В этой части береговая линия состоит почти из одних меловых скал, с которых можно спуститься по одной только длинной, извилистой тропинке, крутой и скользкой.

Внизу тропинки на сотню ярдов тянется покрытый гальками берег, который не заливается даже приливом. Но в разных местах есть изгибы берега и заливчики, — великолепные бассейны для купанья, наполняющиеся свежей водой после каждого прилива. Этот прекрасный берег тянется на

несколько миль в обе стороны и прерывается только в одном месте маленькой бухточкой, где расположена деревня Фулверс.

Мой дом стоит одиноко. Мне, моей старой экономке и моим пчелам, нам одним принадлежит вся усадьба. Но все же в полумиле расстояния находится учебное заведение Гарольда Стэкхерста, прозванное из-за своей крыши «Коньками», — школа, где молодые люди, под руководством нескольких учителей, готовятся к различным профессиям. Мы с Стэкхерстом подружились со дня моего приезда и у нас установились такие отношения, что мы без предупреждения могли по вечерам заходить друг к другу.

К концу июля 1926 года поднялась сильная буря, море гнало волны к самым скалам и оставляло при отливе целые озера на берегу. На утро того дня, о котором я говорю, ветер утих, и вся природа точно заново вымылась и освежилась. В такой прекрасный день невозможно было работать и я вышел побродить перед завтраком, чтобы насладиться чудным воздухом. Я шел по скалистой тропинке, ведущей к крутому спуску к берегу. За моей спиной кто-то окликнул меня и я увидел Гарольда Стэкхерста, приветливо махавшего мне рукой.

— Что за утро, мистер Холмс! Я был уверен, что встречу вас на прогулке.

— Я вижу, вы идете купаться.

— Вы опять за старую привычку, — засмеялся тот, похлопывая себя по оттопырившемуся карману. — Да, Макферсон вышел рано, и я надеюсь застать его там.

Фигурой Макферсон был преподаватель истории искусства. Он был

Мы с Стэкхерстом бросились к нему...

атлет по природе и отличался во всех играх, не требовавших особого напряжения. Жизнь ему отравляла сердечная болезнь, как следствие ревматизма. Но

и лето, и зиму он купался, и я, сам пловец, составлял ему часто компанию.

В это мгновение мы увидели самого Макферсона. Его голова показалась

над скалой в том месте, где кончалась тропинка. Потом наверху выривалась и вся его фигура. Он качался, как пьяный. В следующее мгновение он взмахнул руками и с ужасным криком упал ничком.

Мы со Стэкхерстом бросились к нему,—он лежал в каких-нибудь пятидесяти ярдах от нас,—и повернули его на спину. Было совершенно очевидно, что он умирал. Глаза его стали стеклянными, а щеки мертвенно бледными. На мгновение лицо его ожило и он произнес два или три слова, точно желая нас предостеречь. Слова были неясны, но я уловил последние, вырвавшиеся криком с его губ:

— «Львиная грива!»

Это были совершенно бессмысленные, непонятные слова, но я услышал именно их. Макферсон приподнялся, взмахнул руками и упал на бок. Он умер.

Мой спутник онемел от неожиданности и ужаса. Но я, конечно, был уже весь настороже: перед нами был какой-то необыкновенный случай.

Макферсон был одет только в пальто, брюки и не зашнурованные полотняные туфли. Когда он упал, пальто, накинутое им на плечи, скользнуло и обнаружило его спину. Мы были поражены. Вся спина его была покрыта темнокрасными полосами, точно его исполосовали проволочной плетью. Орудие, которым производили эту экзекуцию, очевидно, было гибким, так как ребра и плечи Макферсона были охвачены длинными, извивающимися полосами. С подбородка его текла кровь. В мучительной агонии он прокусил нижнюю губу. Его искаженное лицо говорило, что агония эта была ужасна.

Я встал на колени, а Стэкхерст стоял возле меня, когда на нас упала тень и мы увидели возле нас Яна Мурдоха. Это был математик учебного заведения Стэкхерста, высокий, худощавый брюнет, такого сдержанного и мрачного характера, что никто не мог назвать себя его другом. Казалось, что он жил в каких-то абстрактных областях, далеких от жизни. Ученики смотрели на него, как на оригинала, и он стал бы для них

мишенью насмешек, но в нем была какая-то чужеземная кровь, проявлявшаяся не только в его смуглом лице и черных глазах, но и в странных вспышках, когда он бывал положительно свиреп. Как-то раз ему надоела собачка Макферсона. Он схватил ее и выбросил в окно. За такой поступок Стэкхерст, конечно, дал бы ему отставку, но он был очень ценным преподавателем, и это спасло его. Таков был странный человек, появившийся возле нас. Он казался искренно пораженным несчастным случаем, хотя по происшествию с собачкой можно было судить, что между ним и умершим не было особой симпатии.

— Бедняга! Бедняга! Чем бы я мог помочь?

— Вы были с ним? Можете вы рассказать, что произошло?

— Нет. Я опоздал сегодня утром. Я еще не был на берегу. Я шел сюда прямо из «Коньков». Чем бы я мог помочь?..

— Вы можете посетить в полицию в Фулворсе. Надо сейчас же сообщить о происшедшем.

Он, не говоря ни слова, побежал в деревню, а я тотчас же взялся за дело, пока растерянный Стэкхерст оставался возле трупа. Первой моей задачей было установить, кто находился на берегу. С высоты тропинки я мог видеть весь берег, и он был совершенно пуст, если не считать две-три темные фигуры, двигавшиеся вдали к деревне Фулворс. Удовлетворившись в этом отношении, я медленно пошел вниз по тропинке. С мелом была смешана глина, и там, и сям я видел одни и те же следы, спускавшиеся и поднимающиеся. Этим путем никто больше не спускался сегодня к морю. В одном месте я заметил отпечаток раскрытой руки. Это могло только означать, что бедный Макферсон упал, поднимаясь по тропинке. Были и круглые следы, указывавшие на то, что он не раз падал на колени. Внизу тропинки было порядочное озеро, образованное отливом. У этого озера Макферсон разделся, потому что там лежало на скале его полотенце. Оно было сложено и сухо, так что можно было думать, что он и не

входил в воду. Раза два я нашел на песке среди гальки отпечатки его туфель, а также голых ног. Этот последний факт указывал на то, что Макферсон приготовился к купанию, а подотенце свидетельствовало, что он не успел искупаться.

Передо мной была задача, не менее таинственная, чем любая из встречавшихся мне прежде.

Макферсон пробыл на берегу не больше четверти часа. Он разделся и собрался купаться. Потом вдруг кое-как накинуд на себя платье,—все на нем было растегнуто,—и побежал назад, не купаясь или, во всяком случае, не вытираясь. Причиной же этого было то, что на него напали, диким, бесчеловечным способом терзали, пока он не прокусил от страданий губу, и затем бросили человека, едва имевшего силы уползти и умереть. Кто совершил это варварское преступление? На берегу были, конечно, гроты в скалах, но солнце ярко освещало их и в них негде было скрыться. Были еще и отдаленные фигуры на берегу, но они казались слишком далекими, чтобы иметь что-нибудь общее с только что совершенным преступлением. Между ними и Макферсоном лежало озеро, подходившее к самым скалам. Невдалеке на море виднелись две-три рыбацьи лодки. Мы могли опросить рыбаков. Было несколько путей для следствия, но ни один не вел к цели.

Когда я вернулся к телу Макферсона, там уже собралась небольшая группа зевак. Стэкхерст все еще был там, пришел и Ян Мурдох с Андерсоном, полицейским чиновником из деревни. Это был большой, внушительного вида человек, скрывавший под молчаливой внешностью разумную голову. Он все выслушал, все записал и, наконец, отозвал меня в сторону.

— Я рад вашему совету, мистер Холмс. Это серьезная история и мне плохо придется от начальства, если я не справлюсь с ней.

Я посоветовал ему послать за его непосредственным начальником и за доктором. Кроме того, сказал, чтобы он не позволял ничего трогать на месте несчастного случая и чтобы тут было возможно меньше новых,

свежих следов. В это же время я осматривал карманы умершего. Там был его носовой платок, перочинный нож и маленький бумажник. Из него выглядывал листок бумаги, который я развернул и передал полицейскому чиновнику. На нем было набросано женской рукой:

— Я буду там, можешь быть уверен. Модн.

Это было похоже на любовное свидание, но когда и где—оставалось неизвестным. Полицейский чиновник положил записку в бумажник и вместе со всеми остальными вещами—в карман пальто. Я не находил больше ничего достойного внимания и решил вернуться домой позавтракать.

Приблизительно через час ко мне зашел Стэкхерст и сообщил, что тело Макферсона перенесли в «Коньки», где будет вестись следствие. Он привнес кое-какие серьезные новости. Он нашел в столе Макферсона некоторые бумаги, говорившие об его интимной переписке с некоей мисс Беллами из Фулворса.

— Письма я не мог взять с собой,—сказал Стэкхерст,—но нет сомнения, что тут была серьезная любовная история. Я не вижу только, что тут общего с этим ужасным случаем.

— Да, я не думаю, чтобы ему назначали запиской свидание на берегу, где все мы, обыкновенно, купаемся,—заметил я.

— По странному случаю,—сказал Стэкхерст,—никто из учеников не был с Макферсоном.

— Случай ли это?

Стэкхерст нахмурил лоб.

— Ян Мурдох задержал их,—сказал он.—Он настоял на занятиях по алгебре перед завтраком. Бедняга страшно подавлен этим.

— Но мне кажется, что они не были друзьями?

— Одно время—нет. Но уже с год Мурдох так сблизился с Макферсоном, как только был в состоянии сблизиться. Он, ведь, по натуре не очень общителен.

— Я это знаю. Помнится, вы рассказывали мне про какую-то историю с собачкой.

— Это кончилось вполне миролюбиво.

— Но, быть может, оставило какие-нибудь враждебные чувства?

— Нет, нет. Я уверен, что они были искренними друзьями.

— Тогда нам нужно исследовать, как обстоят дела с этой девушкой. Вы ее знаете?

— Ее все знают. Она — местная красавица, настоящая красавица, Холмс, которая везде обратила бы на себя внимание. Я знал, что Макферсон увлекался ею, но я и не подозревал, что дело зашло так далеко.

— Но кто же она?

— Она дочь старого Тома Беллами, которому принадлежат все лодки и купальные кабинки в Фулворсе. В былые времена он был рыбаком, теперь же он человек с весом. Он ведет дело вместе со своим сыном Вильямом.

— Не пойти ли нам к ним в Фулворс?

— Под каким предлогом?

— О, мы легко найдем предлог. У бедного Макферсона был ограниченный круг знакомых. Проследим по всем направлениям, и мы, в конце концов, нападем на верный путь.

Дорога по дюнам, благоухавшим тмином, была бы очень приятной, если бы наши мысли не отвлекала происшедшая трагедия.

Деревня Фулворс расположена полукругом по заливу. Позади старых хижин в гору поднимались новые дома. К одному из них меня и провел Стэкхерст.

— Вот «Гавань», как называет свой дом Беллами. Вон тот, с башней на углу и черепичной крышей. Не плохо для человека, начавшего с... Взгляните-ка, взгляните!

Ворота «Гавани» раскрылись и из сада вышел человек. Нельзя было не узнать эту высокую, угловатую фигуру. Это был Ян Мурдох. Мгновение спустя мы встретились с ним на дороге.

— Алло! — крикнул Стэкхерст. Ян Мурдох кивнул головой, боком посмотрел на нас своими странными, темными глазами и прошел бы мимо, если бы директор не остановил его.

— Что вы там делали? — спросил он Яна.

Лицо Мурдоха покраснело от раздражения.

— Я подчинен вам под вашим кровом, сэр. Но я не нахожу нужным отдавать вам отчет в своих личных делах.

После всего пережитого нервы Стэкхерста были напряжены. Иначе он, может быть, воздержался бы. Но тут он окончательно потерял самообладание.

— При настоящих обстоятельствах — ваш ответ дерзость, мистер Мурдох

— Ваш собственный вопрос можно было бы счесть тем же самым.

— Я не в первый раз наталкиваюсь на ваше непочтительное отношение. Это, конечно, будет последний. Вы потрудитесь возможно скорее найти себе новые занятия...

— Я уже намеревался это сделать. Сегодня я потерял единственного человека, который делал для меня возможной жизнь в «Коньках».

Он пошел своей дорогой, а Стэкхерст смотрел ему вслед рассерженным взглядом.

— Что за невозможный, невыносимый человек! — воскликнул он.

На меня произвело сильное впечатление то, что Ян Мурдох пользовался первым случаем, чтобы исчезнуть с места преступления. Неясное, туманное подозрение начинало принимать в моей голове более определенные формы. Может быть, посещение семьи Беллами бросит луч света на события. Стэкхерст взял себя в руки и мы подошли к дому.

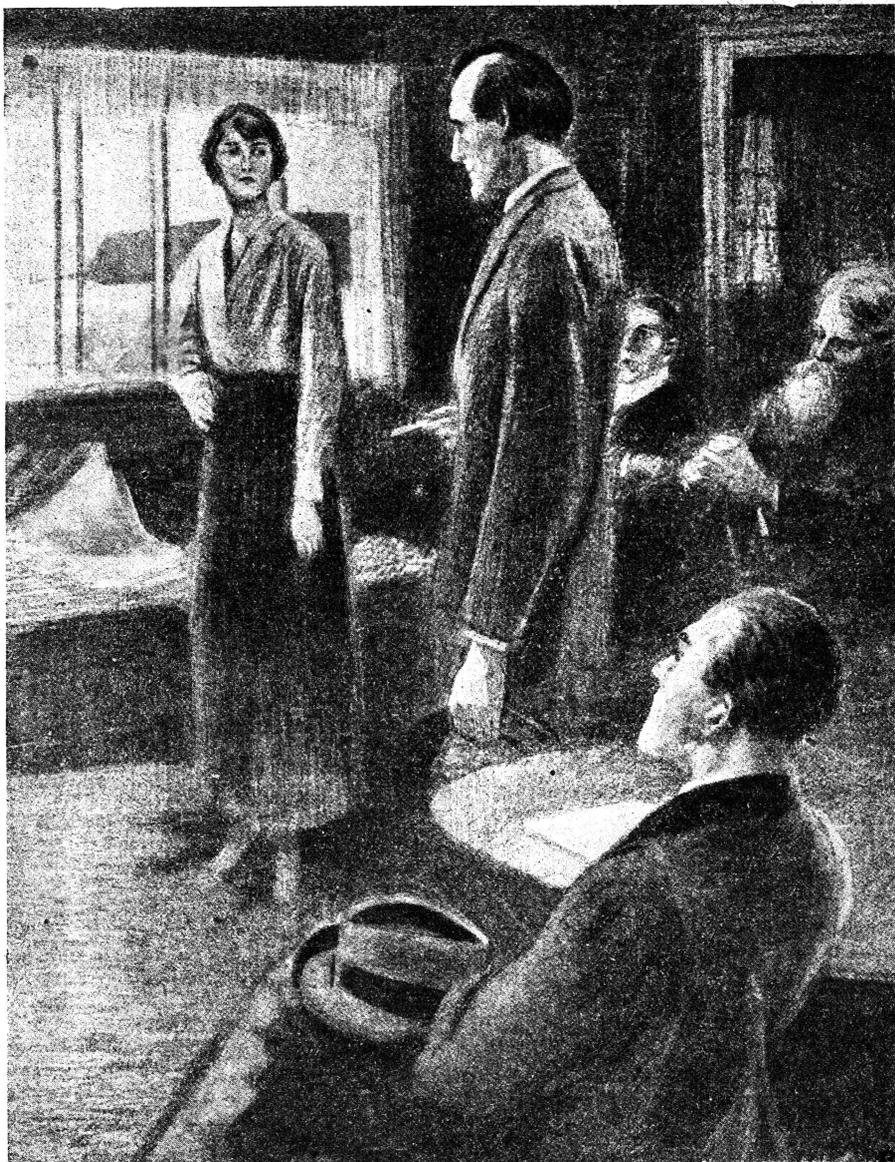
Мистер Беллами оказался человеком средних лет с огненно-красной бородой. Он был в очень раздраженном состоянии духа и лицо его скоро так же покраснело, как волосы.

— Нет, сэр, я не желаю слушать никаких подробностей. Мой сын, — он указал на крепко-сколоченного молодого человека с упрямым, неприветливым лицом, — такого же мнения, как и я, что внимание мистера Макферсона к Мод было оскорбительно. Да, сэр, слово «брак» никогда не произносилось, и все-таки были письма, свидания и многое, чего мы не могли одобрять. У нее нет матери и мы ее единственные заступники. Мы решили...

Но слова его были прерваны появлением самой Мод. Не было сомнения, что эта девушка украсила бы собой любое общество. Кто бы подумал, что такой редкий цветок вырос

ни один молодой человек не повстречается с ней в жизни безнаказанно. Такова была девушка, стоявшая теперь перед Гарольдом Стэкхерстом.

— Я уже знаю, что Фидрой умер,—

— Приведите преступников к ответу, мистер Холмс,—сказала Мод.

от такого корня! Женщины меня редко привлекали. Мой разум всегда главенствовал над сердцем. Но, глядя на ее правильные черты лица, на нежную свежесть ее кожи, я понял, что

сказала она.—Не бойтесь рассказать мне подробности.

— Нет никаких оснований вмешивать мою сестру в это дело,—проворчал молодой Беллами.

Сестра окинула его угрожающим, строгим взглядом.

— Это мое дело, Вильям. Будь добр, не вмешивайся. По всем сведениям, тут совершенно преступление. Если я могу помочь найти убийцу, это самое меньшее, что я могу сделать для умершего.

Она выслушала короткий рассказ моего спутника с таким спокойным вниманием, что я понял, что вместе с красотой она обладает и сильным характером. Она, очевидно, знала уже меня потому, что под конец обратилась ко мне.

— Приведите преступников к ответу, мистер Холмс,—сказала она,— моя симпатия на вашей стороне, кто бы они ни были.

Мне показалось, что она с вызовом взглянула на отца и брата.

— Благодарю вас,—сказал я. Но вы говорите:—«они». Вы думаете, что тут замешено больше, чем один человек?

— Я хорошо знала мистера Макферсона и знаю, что он был смелым и сильным. Один человек не мог бы так оскорбительно расправиться с ним.

— Не могу ли я поговорить с вами наедине?

— Я говорю тебе, Мод, чтобы ты не вмешивалась в это дело,—сердито закричал отец.

— Как же мне быть?—она беспомощно взглянула на меня.

— Весь мир скоро узнает эту историю, значит, не может быть ничего плохого в том, что мы публично обсудим здесь совершившееся,—сказал я.— Если ваш отец не желает, чтобы мы говорили наедине, мне придется покориться этому.

Я упомянул про записку, найденную в кармане умершего.

— Я не вижу тут никакой тайны,—сказала девушка.—Мы были обречены, но держали это в секрете, так как боялись, что дряхлый дядя Фицроя лишит его перед смертью наследства. Других причин не было.

— Ты могла бы сообщить нам,—пробурчал Беллами.

— Я бы и сделала это, отец, если бы ты когда-нибудь выражал нам симпатию.

— Я против того, чтобы дочь моя имела что-нибудь общее с мужчинами другого круга.

— Мы не говорили тебе про наши отношения потому, что ты был преубежден против него. Записка же была ответом на это...

Она вынула из кармана смятый листок бумаги.

— Дорогая,—гласило письмо,— в пятницу, на старом месте, на берегу. Я только в это время могу освободиться. Ф. М.

— Пятница—сегодня, и мы должны были встретиться сегодня вечером.

— Но эта записка, конечно, была получена вами не по почте. Как вы ее получили?

— Я бы не хотела отвечать на этот вопрос. Это совсем не касается совершенного преступления. На все, что нужно, я отвечу тотчас же.

Она действительно отвечала на все вопросы, но это нам ничего не разъяснило.

— Разрешите спросить, не был ли мистер Ян Мурдох врагом Макферсона?—задал я вопрос.

Она покраснела.

— Одно время я так думала. Но все изменилось, когда он понял, какие отношения между Фицроем и мною.

Снова стала сгущаться тень, окружавшая в моих глазах этого странного человека. Необходимо обыскать его комнаты. Стэкхерст охотно согласился помогать мне, так как и у него возникли сомнения.

Мы вернулись домой с надеждой, что один конец нити в этой трагедии уже в наших руках.

Прошла неделя. Следствие не бросило на дело и луча света. Стэкхерст секретно навел справки о своем подчиненном и был произведен обыск в его комнатах, но безрезультатно. Даже мое воображение отказывалось найти разгадку тайны. Тут произошел случай с собакой.

Первой услышала про него моя старая экономка по тому удивительному беспроволочному телеграфу, который сообщает новости деревенским жителям.

— Какая грустная история с собакой мистера Макферсона, сэр,— сказала она мне как-то раз вечером.

— Что это за история?

— Собачка подохла, сэр. Подохла с тоски по хозяину.

— Кто вам это сказал?

— Да об этом все говорят, сэр. Она всю неделю ничего не хотела есть. А сегодня двое молодых людей из «Коньков» нашли ее подохшей. И на том самом месте, где умер ее хозяин.

— «На том самом месте». Эти слова произвели на меня сильное впечатление. Что-то подсказало мне, что этот случай имеет большое значение. Почему стал пустынный берег роковым и для собаки? Возможно ли, что и она пала жертвой какой-то мести?

Несколько минут спустя я уже шел по дороге к «Конькам», где попросил Стэкхерста дать мне возможность переговорить с учениками, видевшими труп собаки.

— Да, собака лежала на самом берегу,— сказал один из них.— Она, должно быть, искала следов своего хозяина.

В зале на полу лежал труп маленького, верного существа. Члены его были скрючены, глаза вылезали из орбит.

Из «Коньков» я отправился на берег. Солнце зашло и черная тень скалы падала на воду. Место было пустынное и оживляли его только две чайки, с криками кружившиеся над головой. Я задумчиво стоял у воды, а сумрак все сгущался. Голова моя была полна разнообразных мыслей. Наконец, я повернулся и пошел домой.

Я поднялся по тропинке наверх, когда меня вдруг осенило.

Пришедшая мне в голову мысль была невероятна и все же тут могла быть истина.

В моем домике есть большой чулан, полный книг. Я засел в нем на целый час. К концу этого времени я вышел с маленькой книгой в коричневом с серебром переплете. Я нетерпеливо переворачивал листы, отыскивая то, что меня интересовало. Я лег спать поздно, с нетерпением ожидая завтрашнего дня.

Но моей работе встретилась неприятная помеха. Не успел я напиться кофе, как мне нанес визит инспектор Суссекской полиции. Это был солидный, уравновешенный человек с задумчивыми глазами, которые смотрели на меня теперь с некоторым смущением.

— Я знаю ваш огромный опыт, сэр, и пришел к вам совершенно частным образом. Дело в том, нужно ли произвести арест или нет?

— Вы подразумеваете мистера Яна Мурдоха?

— Да, сэр. Больше не на кого думать. Кто же, если не он?

— Какие у вас улики?

Он шел по тому же пути, что и я. Характер Мурдоха внушал подозрения. Кроме того, он мог ревновать Макферсона к мисс Беллами и ссорился в прошлом с Макферсоном.

— Каково будет мое положение, если я дам ему скрыться?— Флегматичный человек переживал большое смущение.

— Проследите,— сказал я ему,— какие ошибки могут быть в ваших подозрениях. Утром в день преступления Мурдох был со своими учениками. Кроме того, он один не мог так оскорбительно расправиться с сильным Макферсоном. Наконец, представляется вопрос, каким орудием было совершено преступление.

— Это могла быть только какая-то плеть.

— Вы рассмотрели знаки?— спросил я.

— Мы оба с доктором видели их.

— Вы заметили некоторые особенности этих знаков?

— Какие, мистер Холмс?

Я вынул из своего бюро увеличенную фотографию.

— Вот, рассмотрим эту полосу, охватывающую плечо Макферсона.

— Я не вижу ничего особенного.

— Нет сомнения, что полоса эта не везде ровная. Вот тут и тут выступают капельки крови как от укула. Такие же капельки выступают и на другой полосе.

— Что же это значит?

— У меня есть свои соображения, но я буду молчать до поры до вре-

мении, пока у нас не будет более серьезных оснований для суждения.

— Когда же это будет?

— Через час, может быть и скорее.

— Не имеете ли вы в виду мистера Беллами и его сына?

— Нет, нет, я ничего не скажу, пока у меня не будет все подготовлено,— сказал я, улыбаясь.— Может быть, вы придете ко мне в полдень?..

Стэкхерст. Он был почти так же расстрепан, как и Мурдох.

— Да, да, водки! — крикнул он.— Мурдох умирает. Я едва его дотащил сюда. Он дорогой два раза падал в обморок.

Спирт произвел чудесное действие. Мурдох приподнялся и сорвал с плеч пальто.

— Умоляю, — дайте морфию или

Мы с инспектором невольно вскрикнули. На обнаженных плечах Мурдоха были огненные полосы, как и у Макферсона...

Слова мои были прерваны, и этим было положено начало концу всего следствия.

Дверь моя распахнулась настежь, в коридоре послышались спотыкающиеся шаги и в комнату вбежал бледный, расстрепанный Мурдох. Одежда его была в беспорядке, он хватался руками за мебель и кричал:

— Водки, водки!

Потом он со стоном упал на диван. Следом за ним, задыхаясь, вбежал

опиума — закричал он.— Что-нибудь, что избавит меня от этих адских мук.

Мы с инспектором невольно вскрикнули. На обнаженных плечах Мурдоха были те же огненные полосы, которые отпечатались и на спине Макферсона.

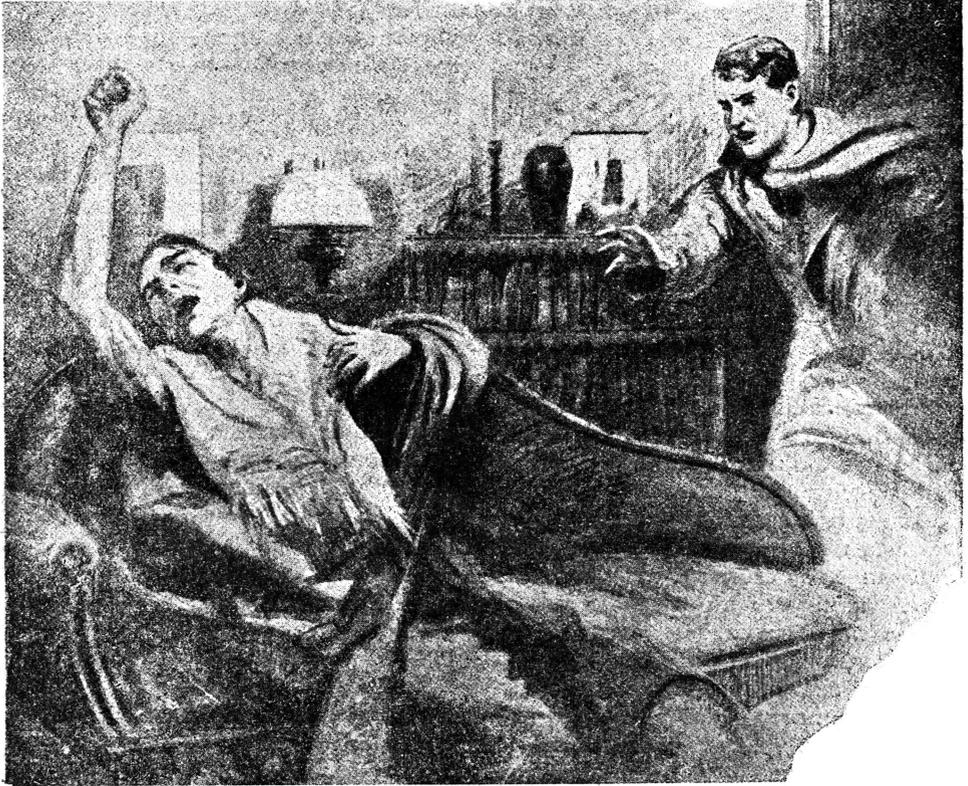
Боль была, очевидно, ужасная. Мурдох по временам переставал дышать, лицо его чернело. Он мог умереть каждую минуту. Ему вливали в рот водку, еще, и еще, и приложили к

плечам компрессы с оливковым маслом. Голова его, наконец, тяжело опустилась на подушку. Это был полусон, полудобморок, но он все же облегчал его страдания.

— Где вы нашли его? — спросил я Стэкхерста.

— На берегу! На том же самом месте, где умер Макферсон. До «Коньков» было далеко и я привел его к вам.

гуськом следовали за мной. У берега было совсем мелко, но у скалы—фута четыре глубины. Конечно, сюда должен был направиться пловец. У подножия скалы вилась тропинка, и я пошел по ней, внимательно заглядывая в кристально-прозрачную глубину. Я дошел до самого глубокого и тихого места залива, когда увидел то, что искали мои глаза.

Мурдох со стоном упал на диван. — Водки, водки! — кричал он...

— Вы видели его у воды?

— Да, он шатался из стороны в сторону, как пьяный. Я побежал вниз, накинул на него пальто и кое-как дотащил сюда.

— Я думаю, что мы, наконец, попали на убийцу. Идемте, Стэкхерст, и вы тоже, инспектор.

Оставив несчастного Мурдоха на попечении экономки, мы втроем отправились на берег моря. На камнях лежала одежда Мурдоха. Я медленно пошел по берегу, а мои спутники

— Суанеа! — воскликнул я. — Суанеа! Смотрите на «Львиную гриву» *).

Странный предмет, на который я указывал, был, действительно, похож на спутанный пучок волос, вырванный из львиной гривы. Он лежал на

*) Примечание переводч.: Суанеа Capillata—«Волосатая дианеа», вид медузы. Она немного тяжелее воды и во время пауз покоя погружается. Сокращение зонтика у медуз или акалеф, как их иначе называют в естествознании, — совершается непрерывно в виде равномерных ритмических движений.

выступе скалы, фута на три под водой. Это было странное, развешивающееся, волосатое существо с серебряными нитями в желтых космах. Оно пульсировало медленным и тяжелым сжиманием и разжиманием.

— Оно причинило достаточно вреда, — крикнул я. — Дни его кончены. Помогите мне рассчитаться с убийцей!

На самом краю тропинки лежал большой камень. Мы столкнули его в воду и, когда поверхность воды успокоилась, увидели, что камень упал на выступ внизу. Желтые щупальцы, торчавшие из-под камня, указывали на то, что жертва наша под ним. Маслянистая густая жидкость выдавилась из под камня и медленно поднялась на поверхность, омрачая воду.

— Что это такое, мистер Холмс? — спросил инспектор. — Я местный уроженец, но никогда не видал здесь ничего подобного.

— Юго-западный шторм занес сюда это чудовище. Пойдемте ко мне домой и я познакомлю вас с ужасными переживаниями человека, имеющего основания помнить встречу с таким же ужасом морей.

Когда мы вернулись домой, Мурдох уже сидел в кресле. Но по временам от боли его сводили судороги. Он сказал нам, что не имеет понятия, что с ним случилось. Купаясь, он вдруг испытал невыносимые муки и бросился из воды на берег.

— Вот книга, — сказал я, — которая внесла свет в то, что навеки могло бы остаться во мраке. Это — «На свежем воздухе» знаменитого Ж. Р. Вуда. Автор сам едва не погиб от встречи с отвратительным существом — *Suanea Capillata*. Это чудовище не менее опасно, чем кобра, но причиняет гораздо более мучительную смерть. Вот, в коротких словах, что говорит автор книги:

— Если пловец увидит круглую массу, похожую на спутанную львиную гриву, то пусть он остерегается; это — страшная *Suanea Capillata*. Вуд говорит, что всякий, находящийся не дальше пятидесяти футов от смертоносного морского чудовища, рискует жизнью. Даже на расстоянии Вуд испытал ужасную силу его. Множество нитей произвели на коже тонкие багровые

линии, которые, при ближайшем рассмотрении, оказались усеянными кровавыми точками. В каждой такой точке была точно раскаленная иголка, жалищая нерв. Местная боль все же была, по его словам, наименьшим страданием. Страшная боль пронизала ему грудь, и он упал, точно подкошенный пулей. Пульс остановился и сердце делало несколько таких скачков, точно хотело выскочить из груди.

Это чуть не убило его, хотя он и повстречался с чудовищем в волнуемом океане, а не в тесных водах тихого залива. Вуд рассказывает, что с трудом узнавал себя потом. Лицо его было искажено и совершенно бескровно. Он проглотил целую бутылку водки и это поддержало его. Вот книга, инспектор. Вы не станете сомневаться, что она разъясняет трагедию бедного Макферсона.

— И оправдывает меня, — с измученной улыбкой сказал Мурдох. — Я никого не осуждаю, но чувствую, что меня спасло от ареста только то, что я разделил участь своего друга.

— Нет, мистер Мурдох, — сказал я. — Я уже раньше напал на следы настоящего убийцы и спас бы вас от испытанных вами страданий, если бы вышел раньше из дому.

— Но как же вы узнали, мистер Холмс?

— Я очень люблю читать и у меня удивительная память на мелочи. Я все раздумывал над словами: «Львиная грива». Я помнил, что где-то слышал нечто подобное. Как видите, слова «Львиная грива» характеризуют ужасное морское чудовище. Я не сомневаюсь, что оно плыло в воде, когда Макферсон увидел его, и он только этими словами успел предупредить нас о том, что убило его.

— Так я во всяком случае оправдан, — сказал Мурдох, медленно вставая, — но я хочу дать вам некоторые пояснения, так как знаю, по какому направлению велось следствие. Это правда, что я любил мисс Беллами, но с того дня, как она избрала Макферсона, моим желанием было помочь их счастью. Я довольствовался ролью посредника между ними. Я часто носил ей от него записки и поторопился

сам сообщить ей о смерти Макферсона, чтобы другой не сделал этого более грубо. Она не хотела вам говорить про наши отношения, боясь как-нибудь повредить мне. Теперь я должен с вашей помощью вернуться в «Коньки» и лечь в постель.

Стэкхерст протянул ему руку.

— Простите меня, Мурдох. Мы вперед лучше будем понимать друг друга!

Они вышли, дружески взявшись под руку. Инспектор остался со мной и молча смотрел на меня своими бычачьими глазами.

— Я читал про вас,—воскликнул он,—но никогда не верил. Вы удивительный человек!

Я принужден был покачать головой.

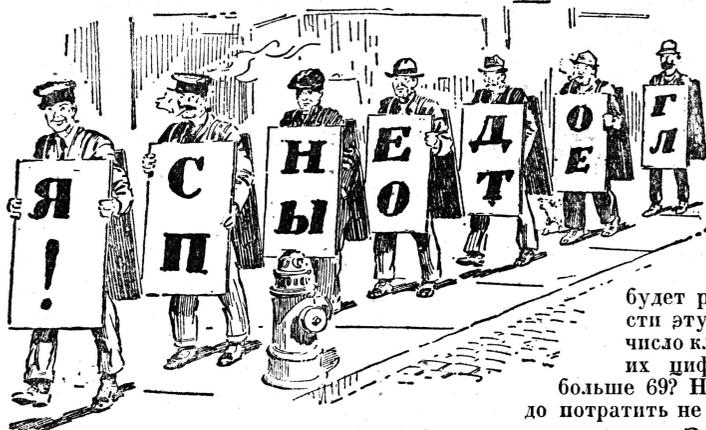
— Я был преступно медлителен в этом деле. Если бы труп нашли в воде, я бы скорее открыл истину. Меня смутило полотенце. Бедняга не мог и думать о вытирании, а я решил, что он не купался. Вот мне и не пришло в голову нападение какого-нибудь морского животного. Вот где была ошибка. Что ж, инспектор, я частенько смеялся над вами, полицейскими, а Cyanea Capillata едва не отомстила за вас.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 10.

Перепутанная реклама (испытание быстроты соображения).

Группа ходячих реклам с буквами, образующими два слова, перепутала свою оче-

редь. В каком порядке нужно их расположить, чтобы из букв на плакатах получилось два слова рекламы? (См. стр. 80).

Задача № 11.

Вот легкая задача на числа. Эта колонка слагаемых чисел написана неправильно, но сумма 99 верна. В колонке должно быть не 5, а 9 слагаемых, состоящих из тех же цифр. Как надо разбить напечатанные здесь цифры? Хороший математик должен ответить на это в 5 минут. (См. стр. 80).

1
23
45
67
89
99

Задача № 12

Как быстро Вы умеете считать? На этой задаче Вы можете проверить свои способности. Квадрат разделен на 16 клеток с цифрами. Через квадрат проведена прямая линия, задевающая 7 клеток, сумма цифр которых (8, 12, 14, 10, 16, 3, 6)

2	9	5	6
15	7	16	3
12	14	10	11
8	4	1	13

будет равна 69. Нельзя ли провести эту линию иначе, через любое число клеток, но так, чтобы сумма их цифр была по возможности больше 69? На решение этой задачи надо потратить не более 7 мин. (См. стр. 80).

Задача № 13.

Рисунок изображает морскую зону, испещренную рифами. Читателю предлагается 4 минуты, чтобы провести кратчайшую линию морского пути, идущую от вершины прямоугольника к одной из его сторон и спускающуюся к его основанию. Это дало бы возможность судну совершить два прямых рейса всего только при одном повороте (Решение см. на стр. 80).

